

Сана Валиуллина

*Сана
Валулина*

**НЕ
БОЮСЬ
СИНЕМ
БОРОДЫ**

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АСТ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В15

Художественное оформление *Владимира Мачинского*

Книга публикуется по соглашению
с литературным агентством ELKOST Intl.

Валиулина, Сана.

В15 Не боюсь Синей Бороды : роман / Сана Валиулина. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017. — 603, [5] с.

ISBN 978-5-17-104851-8

Сана Валиулина родилась в Таллинне (1964), закончила МГУ, с 1989 года живет в Амстердаме. Автор книг на голландском — автобиографического романа «Крест» (2000), сборника повестей «Ниткуда с любовью», романа «Дидар и Фарук» (2006), номинированного на литературную премию «Libris» и переведенного на немецкий, и романа «Сто лет уюта» (2009). Новый роман «Не боюсь Синей Бороды» (2015) был написан одновременно по-голландски и по-русски. Вышедший в 2016-м сборник эссе «Зимние ливни» был удостоен престижной литературной премии «Jan Hanlo Essayprijs».

Роман «Не боюсь Синей Бороды» — о поколении «детей Брежнева», чье детство и взросление пришлось на эпоху застоя, — шит из четырех пространств, четырех времен. От ностальгически-акварельного поселка Руха на эстонском побережье в семидесятых годах, где «тишина, только сосны гудят над валунами, как антенны: море транслирует», с загадочным домом, в котором происходят таинственные происшествия, — через Таллинн рубежа семидесятых-восемидесятых и скрытую жестокость советской школы и Таллинн начала девяностых, на заре «дикого капитализма», с жестокостью явной и неприкрытой, — к нашему времени, не-существующей стране и эпохе-без-перемен.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104851-8

© Валиулина С.
© ООО «Издательство АСТ»

Посвящаю моим родителям

Все события и герои этой книги вымышлены,
любые совпадения с реальностью — случайны.

Книга 1.

**ЧЕРНЫЙ
КАПИТАН**

BLUEBEARD

Dearest Judith, are you frightened?

JUDITH

*No, my flowing skirt was tangled,
Something caught the silken flounces.**

* СИНЯЯ БОРОДА
Что стоишь ты? Ты боишься, свет мой Юдит?

ЮДИТ
Нет, за что-то мое платье
здесь случайно зацепилось.

Бела Балаж. «Замок герцога Синяя Борода»

Лето в Руха

Сначала была капитанская жена, Эрика, с узковатым эстонским прищуром на плотном лице. И сама она была плотная, без всяких там изгибов на прямоугольном теле. Изгибы — это все для городских, что на каблуках колышутся и хвостом виляют, русалок из себя строят, чтоб мужиков приманивать. А у нас тут штормит, песок, валуны и дом большой с верандой, погребом и курами, а еще и мальчишки, — тут не поизгибаешься. А там, глядишь, и свинью заведем, да вот муж не хочет, говорит, некультурно — свинья в таком доме. Ему лучше знать, он у нас по заграницам ездит, а мы и так проживем, без изгибов, чай не Мэрилин Монро.

Капитанша Эрика смеется, мама тоже, но ей не смешно, я же вижу. У капитанши платок на голове, чтобы не продуло, она из бани идет, как и мы. Вот муж вернется из Испании, будем душ ставить, чтоб

было культурно, а пока в баню походим, как и все, мы не гордые.

Руки у капитанши большие, красные и пахнут селедкой. Она в знаменитом колхозе рыбу чистит. Этот колхоз на всю страну прославился своими рыбными консервами. Там у них есть такая радужная форель, они ее сами в прудах своих выращивают, а потом замасливают. Так что, между прочим, капитаншины руки не селедкой пахнут, а радужной форелью. Эту форель все так обожают, что в магазинах ее нет. Форель — она же благородная рыба, а тут еще и радужная к тому же. В магазинах пускай вон кильку продают в томатном соусе. Да перед такой рыбой мужчинам шляпу надо снимать, а женщинам — книксен делать, ну и пускай, что она в банке. Капитанша распаляется и уже не смеется, у нее за форель душа болит, а мама улыбается в сторону. Мы эту форель тоже очень любим. Ее надо есть на белой булке с маслом, и никак по-другому. Только дураки и плебеи, которые ничего не смыслят в жизни, едят радужную форель с черным хлебом.

Мы до горки с капитаншей, потом нам налево, а ей прямо через мостик, и дальше всё прямо и прямо, до богатой улицы. Там у них у всех свои ванны в домах, ну и сауны, конечно. Но сауны — это фольклор и душа, а душ — это культура и комфорт. Вот черный капитан из Испании вернется, и будет в капитаншине доме отдельная душевая, как и положено на богатой улице.

Мы в Руха каждое лето ездим. Первого раза я не помню, но тогда, говорят, в июле такая жара стояла, что Белая речка — эта та, через которую мостик на

богатую улицу и к морю, — вся высохла, и дачникам негде было белье стирать. И скатерти тоже, которые они специально из города привозят, а некоторые даже из Москвы. А еще все дети голышом по улице бегали.

И второго раза я не помню. Мне тогда два года было. Только вот что-то соленое помню и пустоту вокруг. Соленое — это, наверное, сопли со слезами, а пустота — она как тьма, только не безвидная. Это мне позднее уже рассказали, что я тогда на пляже заблудилась и долго с ревом бегала голая, пока не нашли мою маму.

А уже потом, точно не знаю когда, вдруг появилась капитанша Эрика, жена черного капитана, что начал строить дом в самом конце богатой улицы. Там, где напротив малина растет за валунами.

— Вот следующий год у нас будете, — говорит капитанша, — а у нас уже душ и унитаз новый чешский, не бледно-желтый, как у Нигулей, а нежно-голубой, и сливной бачок тоже нежно-голубого цвета.

Нигули, хоть и эстонцы, но в новом поселке живут, на Советской улице. У них квартира со всеми удобствами в кирпичном доме. Им теперь в баню не надо ходить.

К ним даже некоторые отдыхающие мыться приходят по субботам, когда в поселке горячую воду дают. Мы, правда, у них никогда не были, мама говорит, у них к нам нет интереса. К ним все больше их друзья ходят мыться, москвичи с московскими консервами, с икрой черной, например, а с нас брать нечего. «Мы не бедные, — говорит мама, — мы интеллигентные. У нас другие ценности, мы не хлебом

единым». «Ой, замечталась, нежно-голубая, — смеется капитанша, — а кто огурцы солить будет? Я ведь Нигулей уважаю, но боюсь, они болеть скоро будут, ведь эстонец без земли — это что? На него так вся зараза сразу липнет, даром что квартира со всеми удобствами. Ну что, придете ко мне следующее лето ванную-туалет смотреть?»

Мама кивает, а сама плечами пожимает, не поймешь ее. Но капитанша уже далеко, вот она по горке спустилась, вот по мостику идет, а вот уже по склону поднимается к богатой улице, к дому своему, где черный капитан уже первый этаж кирпичом обложил.

Так что капитанша Эрика появилась в Руха вместе с этим домом, ее из наших никто не помнит и не знает, где она раньше жила, хотя поселок и маленький. А вот черного капитана никто пока из наших так и не видел. А от местных толку мало, у них с капитаном свои счеты, он ведь не здешний, а с острова, где когда-то шведы жили, а теперь пограничная зона. Там кроме шведов еще и мореплаватели когда-то обитали, вот он и решил стать капитаном, а то на суше ему душно и неуютно. Он на сушу приплывает только дом строить, и всегда осенью, чтоб до морозов. А нас уже тогда никого нет, вот мы его и не увидим никак.

«Ну уж, только дом строить, детей же он успел двоих сделать, — это у нас москвичи такие, всё своими именами называют, раскрепощенные, как мама говорит. — Значит, у него и самый главный инструмент работает. Значит, в порядке мужик».

Москвичи вообще всё лучше знают, все-таки в столице мира живут, это уже папа говорит. Они, например, знают, почему капитан черный. «Дак на

этом острове шведы жили? Жили. Так вот, это были не просто шведы, а прибрежное шведское племя, там у них какое-то смешение произошло с аджарами в одиннадцатом веке, так что волосы у этих прибрежных шведов цвета вороньего крыла, а что такого? Вон в Грузии мегрелы же живут, рыжие с голубыми глазами. Вот вам и капитан с черными аджарскими кровями. Усекли?»

Мы-то усекли, но, когда мама спросила капитаншу, чтобы москвичам нос утереть, так ли это, та только хмыкнула и московскую версию не подтвердила. Но и отрицать не стала. Так, кроме москвичей, никто и не знает, почему его черным капитаном называют.

Мы когда в дальний лес ходим чернику собирать, то иногда идем по богатой улице. Просто так, для разнообразия, а заодно чтобы на дома их высокие поглядеть, на стены крепкие. Там у них в садах сосны и березы — выше, чем в лесу, а между ними гамаки висят. А еще там каминьки кирпичные, на них камбалу коптят. И стулья деревянные ленивые с откидными спинками, чтоб эту камбалу есть или загорать. А еще на богатой улице у каждого дома машина стоит. И всегда там кто-нибудь эту машину чинит или моет.

В самой же Руха песок и пыль кругом, и камни, и даже главная улица, Советская, которая, как река, делит Руха на две части, эстонскую и русскую, хоть и заасфальтирована, но все равно пыльная, и в ухабах и колдобинах, и поэтому очень машины портит и пачкает.

«Вот в Финляндии на дорогах ни пылинки, и они у них там как выглаженные, там машине рай, только езжай себе и радуйся, — говорят эстонцы. — И не